

Ф. П. ФИЛИН

О древнерусском слове «волмина»

В грамоте Варлаама Хутынского монастырю после 1192 г. употреблено слово «волмина» в тексте: «Се вьдале Варламе святому Спасу землю и огородъ и ловища рыбьная и гоголиная и пожни. а. рьль противу села за волховомъ. в. на волхевьци коле г. корь. д. лозь. е. волмина, s. на острове и с нивами». Слово «волмина» неизвестно в других памятниках древнерусской письменности, стоит одиночно, значение и происхождение его загадочно. Попытки объяснить это слово пока что нельзя назвать успешными.

В. Р. Кипарский в рецензии на этимологический словарь русского языка Фасмера пишет: «Название реки „Волма“ Фасмер совершенно правильно сопоставляет с древнепольским *wolm* „морская пучина; волнение“. Сюда же относится, конечно, и др.-русск. „волмина“, встречающееся в так называемой Хутынской грамоте 1192 г. и обозначавшее, по-видимому, какое-то угодье на острове на р. Волхов. В Хрестоматии С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова это слово оставлено без объяснения. Весьма возможно, что оно обозначало какой-нибудь затон или омут, где ловилась рыба».¹ «Категорическое конечно» В. Р. Кипарского по крайней мере неосторожно, поскольку им вовсе не принимаются в расчет данные, которые можно обнаружить на почве русского языка. Да и вообще в таких деликатных вопросах, как этимологии неясных слов, не следует спешить с окончательными выводами. Перечисление угодий, обозначенных цифрами, не позволяет считать, что «волмина» находилась на острове: «е волмина» отдельный самостоятельный пункт грамоты, наряду с «корь», «лозь» и др.; «s. на острове» — все, что имеется на острове. Из текста самой грамоты нельзя узнать, где находилась «волмина», обозначала ли она затон или что-нибудь другое.

Как увидим ниже, более вероятным является предположение о происхождении интересующего нас слова, выдвинутое еще Ф. Миклошичем и поддержанное Б. М. Ляпуновым. «Сопоставляю это слово с лат. *ulmus*, как и Миклошич, причем, однако, не вполне отождествляю оба слова: латинскому *ulmus* у нас бы соответствовало „*вълм“, которое действительно можно видеть в названии „волмина“ в грамоте Варлаама 1192 г. . . . Нашему же „*ильмъ“ в латинском должно бы соответствовать *julmus* (сравни *iugum* — „йго“).² Что касается слова «ильмъ», то оно широко представлено в славянских языках: чешск. *jilm* (старочешск. *jilem*, из которого *jimel*, *imal*), польск. *ilm* и *ilma* (старопольск. *ilem*), укр. «илем» и «льом», нижнелужицк. *ljom*, болг. «илмъ», «илмак» (роща из вязов), словенск. *ilem*.

¹ Вопросы языкознания, № 5, 1956, стр. 133.

² Б. М. Ляпунов. Исследование о языке Синодального списка 1-й Новгородской летописи. СПб., 1899, стр. 78.

limoves, ilmovina, также lim, líma, русск. «ильм» и «ильма» — вяз, дерево из семейства вязовых.

«Славянские формы, — продолжает Б. М. Ляпунов, — хорошо объясняются из форм древненемецких: др.-в.-нем. *ēlm*, ср. в.-нем. *ilme* при н.-в.-нем. *ulme*, которое может быть новым заимствованием из латинского. Не заимствованием ли объясняется и ненормальность замены «ь» в словенском через «i» вместо обычного «a» (*líma* вместо *láma)? Или это отступление обуславливается влиянием отпавшего впереди «i»? Если «волмина» в Хутынской грамоте действительно означает нечто, относящееся к вязу, то, может быть, «*вьлм» не взято ли с латинской формы *ulm-*, а «ильм» — с нем. *ilm-* или *elm-*?³ Когда и при каких условиях могло быть произведено это двойное заимствование, Б. М. Ляпунов, конечно, не мог определить из-за недостаточности данных.

Мы здесь лишь отметим, что Фр. Миклошич и Б. М. Ляпунов, сопоставляя «волмина» с лат. *ulmus*, предполагают в древнерусском слове значение какого-то дерева, относящегося к вязу; семантически к «волмина» примыкает «ильм». Однако остается необъясненным начальный вокализм этих слов. С фонетической точки зрения необъяснимо и сопоставление Г. А. Ильинского слова *ълѣмъ со словом «*жьльха», «ольха». В. Махек относит слово *ълѣмъ к «праевропейской» лексике.⁴ Под «праевропейской» лексикой В. Махек понимает слова, которые были заимствованы древними индоевропейцами на территории Европы у неиндоевропейского населения. «Праевропейское» слово, заимствованное различными индоевропейскими племенами независимо друг от друга, хотя и может в известной мере сохранять свой «туземный» фонетический облик, но в каждом индоевропейском языке изменяется по-своему. В отличие от исконных индоевропейских слов, «праевропейские» слова не имеют обычных фонетических соответствий, позволяющих установить исходную праиндоевропейскую форму. В качестве примера «праевропейского» слова В. Махек приводит слав. *jedla*, литовск. *egle*, греч. *ἐλάτη* — «ель». Балтослав. *edla* и греч. *elata* генетически одно и то же «праевропейское» слово, но в греческом отразились замена «d» через «t», перестановка *d(t)-l*, замена «e» на «a».⁵

Предположение о «праевропейских» словах, совпадающих или близких по значению, сохраняющих общее в своем фонетическом облике, но не сводимых в одну исходную праформу, заслуживает внимания. Если бы нам удалось доказать, что «волмина» означало какое-то дерево, относящееся к вязу или близкое к нему, то сопоставление этого слова с лат. *ulmus*, слав. «ильм» и подобными словами могло бы быть оправданным с точки зрения гипотезы «праевропейских» слов.

Переходим к рассмотрению имеющегося в нашем распоряжении материала, который и сам по себе представляет некоторый интерес.

В современных новгородских и некоторых других северновеликорусских говорах, на наш взгляд, сохраняются следы загадочного древнерусского слова. На территории Новгородчины я насчитал около десятка топонимических названий: Вóлмино (несколько деревень), Вóлминка (две деревни и речка). Эти названия сами по себе «безгласны», так как их «внутренняя форма» утеряна, но они устраняют всякие сомнения насчет реальности употребления в древнерусском языке единственный раз встретившегося слова «волмина». Небезынтересно отметить, что некоторые деревни Вóлмино и Вóлминки расположены вдали от каких-либо заметных водоемов.

³ Там же, стр. 79.

⁴ V. Machek. *Česká a slavenská jména rostlin*. Praha, 1954, стр. 90.

⁵ Там же, стр. 9.

Особенно важным является наблюдение, произведенное мною в дер. Горное Марино Новгородского района в 1946 г. Местная жительница-старушка рассказывала о разрушенных фашистскими захватчиками улицах Новгорода, в иных местах тогда сплошь заросших высоким бурьяном: «ходить страшно: того и гляди волк выскочит из волмягá». В этом случае слово «волмяг» было употреблено распространительно, в значении «заросли бурьяна». Удалось выяснить, что «волмяг» в обычном значении — заросли ивового кустарника. Образовано это слово по типу «березняг», «сосняг», «малиннйг» и т. п., хорошо известному в русских говорах. Там же «волмяжник» (мн. ч. «волмяжники») — съедобный гриб, близкий к рыжику.

В северновеликорусских говорах довольно широко распространено название ивы, преимущественно мелкой, с побегами, из которых изготовляются корзины и некоторые другие предметы, — «вóлжанка»,⁶ «вóлжанный» и «волжáнный» — сделанный из ивы. Ср. у В. Майкова (Елисей, I): «Был смур на нем кафтан, и шапка на бекрене, В ол ж а н ы й кнут его болтался на колене». Ср. также в фольклоре: «Да у этого пахаря у пахарюшка Сошка-то была у его вó л ж а н а я» (Онежские былины Гильфердинга, I), «Кидайте-ка вы три сходенки... Первую кидайте волжаную, Другу сходенку серебряну, третью сходню позолоченую» (Рыбников, Песни, I) и т. д. В. И. Даль ошибочно полагал, что «волжáнка» или «вóлженка» — род мелкой ивы, тала, растущей по Волге, «это слово употребляется вместо „таволга“, „таволжанка“, которая идет из Заволжья особенно на кнутовища» (Словарь, I, 232). Название «волжанка» можно связывать с названием Волги лишь по принципу «народной этимологии». Волжанка (род мелкой ивы) растет и в районах, весьма далеких от Волги. Неверно объяснять «волжáнка» и как сокращение слова «таволжáнка», как предполагает В. И. Даль, с которым соглашается В. Махек (указ. соч., стр. 100).

В связи с этим позволительно сделать одно замечание общего характера.

Описывая историю тех или иных слов, особенно терминологического значения, нужно учитывать не только их родственные связи, которые во многих случаях, кстати говоря, оказываются неизвестными, но и устанавливающиеся связи с неродственными словами. В ряде случаев неродственные по происхождению слова, случайно близкие по звучанию и значению, сливаются даже в единое слово. Ср., например, «жолнёр» — польский ратник, солдат-пехотинец, солдат, поставленный для указания линии, по которой должна строиться воинская часть. Источником этого слова являются польск. żołnierz — «солдат» и франц. jalonneur — «расстановщик вех», т. е. слова, генетически совершенно различные.⁷ Русское диалектное «вóлжáнка» и «таволга», «та́воложник», «та́воложка», «та́волжáнка» и пр. — «луговое многолетнее растение из семейства розовых с крепким стеблем и соцветиями белых душистых цветов», — конечно, ничего общего по своему происхождению не имеют друг с другом. «Та́волга́» из татарск. tabulga — «степное растение» и заимствовано в русский язык в относительно недавнее время, тогда как «вóлжáнка» — древнее слово (вероятно, из «*вълг» — «влажный», «сырой»). И все же слова благодаря созвучию и некоторому семантическому сходству вошли в соприкосновение друг с другом. Фонетическое сокращение «та́волжáнка» в «вóлжáнка» вероятно, но «вóлжáнка» в зна-

⁶ См.: В. И. Даль. Словарь великорусского языка; Словарь современного русского языка. Изд. Акад. наук, СПб., 1895 и другие источники.

⁷ См.: Словарь современного русского литературного языка, т. IV. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 181.

чении «таволга» — продукт воздействия древнего русского слова на позднее заимствованное.

Мы не собираемся утверждать, что «волмина», «волмяг», «волжанка» и другие «сходные» слова восходят к одному исходному слову. Однако некоторое созвучие и совпадение значений (не только в названии ивы, но и гриба, как увидим ниже) свидетельствует о контакте, установившемся между этими словами. Контакт вряд ли был бы возможен, если бы слова означали совершенно различные предметы. Наличие такого контакта также является косвенным свидетельством в пользу того, что слово «волмина» означало не омут, а растение.

Теперь перейдем к названиям гриба *Agaricus torminosus*. Литературное его название «волнушка», в просторечии «волнуха». Этот гриб широко распространен в наших северных лесах. Его во многих местностях солят и заготавливают впрок на зиму, так что он имеет известное хозяйственное значение. Ср. производные от этого названия слова в диалектах: «волнушник» (оятск., кемск.) — пирог с волнушками, «волнушница» (оятск.) — кушанье из волнушек, изрезанных на мелкие части, и квасу, «волнушник» — шутовое прозвище жителя г. Боровичей, и др. Диалектные названия этого гриба: «во́лжа́нка», «во́лже́нка» (академический словарь 1847 г., словарь Бурнашова, вологодск., псковск. и др.), «во́лжаник» (корсунск.), «во́лженица» (В. И. Даль), «во́лгонка» (касим.), «во́лгонек» (кирилл.), «во́лдянка», «во́лденица» (вологодск., яросл., шенкурск., тотемск. и др.), «во́лнянка», «во́лница» (чердынск.), «во́лнейка» (псковск.), «во́лвенка» (псковск.), «во́лвеница» (шенкурск.), «во́лбенки» (яранск., тюменск.), «во́лынки» (оханск., шадринск.) и т. д.⁸ Ср., так же как и в слове «во́лжанка» (ива, гриб), «во́лнянка» (борович.), «во́лвянка» (беломорск.), «во́лденка» (воховск.) — мелкая ива! «Во́лвя́нка», «во́лвѣ́нка» (с другим ударением) означает также гриб из семейства луговинок, род поганок (известен и в центральных и южных районах). Для нас особый интерес представляет вышеупомянутое название *Agaricus torminosus* — «во́лмя́жник», а также «во́лмя́к», «во́лмя́ки» (борович.), «во́лменка», «во́лменки» (вятск., арханг., соликамск., кемск., пермск. и др.), «во́лмя́нка», «во́лмя́нки» (каинск., тобольск.), «во́лмене́ц», «во́лмене́цы» (каргоп.), «во́лмейка» (тюменск.), «во́лмовик» (беломорск.) и т. д. Можно, конечно, подозревать, что в «во́лменка» и прочих произошло изменение «н» в «м», но это маловероятно хотя бы потому, что в суффиксальном отношении слова не во всем совпадают (не зафиксированы «во́лновик», «во́лня́к» и пр.).

Можно полагать, что в «во́лменка» и прочих тот же корень, что и в «волмина». Совмещение в одном слове двух значений (ивы и гриба) легко объяснимо. Многие названия грибов являются производными от названий деревьев: «подберезовик», «подберезник», «березник», «подосиновик», «осиновик», «осиновка», «дубовик» и т. п.

Волнушки растут и по сырым местам, в которых нередко заросли ивового кустарника. Ср. каргоп. «во́лганцы» — волнушки, в отличие от борových рыжиков, любящих сухие места, то же олонецк. «во́лданцы». Названия «во́лмя́к», «во́лменка» и прочие образовались от слова «*во́лма», «*во́лма» — мелкая ива, ивовый кустарник. От одной из этих исходных форм («*во́лма») образовалась и «волмина». Нужно заметить, что образования с суффиксом «-ин-а» с разными значениями, присущими этому суффиксу, истари были особо продуктивны в северозападных

⁸ Примеры здесь и ниже взяты главным образом из картотеки академического словаря русского языка.

диалектах (ср. «осенина», «меженина» и пр.). Эта особенность сохраняется и в современных северозападных говорах.⁹

Итак, можно предполагать, что «волмина» Хутынской грамоты означает ивовый кустарник, *gesp.*, место, занятое этим кустарником. Надо полагать, что этот участок земли имел известное хозяйственное значение, поэтому и вошел в перечень земельных угодий, пожертвованных Хутынскому монастырю. В некоторых местах (например, в Тульской губернии) еще недавно (лет 30—40 тому назад) участки с ивовым лозняком «заказывали», т. е. запрещали до определенного срока (обычно до половины августа) срезать в них молодые побеги, пока эти побеги не приобретали нужной прочности и гибкости.

Между словами «лозь» и «волмина», несомненно, было какое-то различие, установить которое мы пока отказываемся. Что касается названий речек «Волма», «Волминка», то их происхождение легко объяснить, если наша догадка о значении слова «волмина» справедлива: многие названия рек и речек связаны с особенностями имевшейся на их берегах растительности; ср.: Ольховка, Оляха, Березовая и т. п.

Впрочем, *feci quod potui, faciant meliora potentes!*

-----

⁹ См. об этом мою статью «Об одной особенности диалектного словообразования» (Ученые записки Лен. гос. пед. инст. им. А. И. Герцена, т. XV, 1956, стр. 184—185).